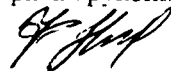

0- 773271

На правах рукописи

ФИЛАТОВ НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

**ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА
РЕЧЕВОЙ И МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Чебоксары – 2008

Работа выполнена на кафедре философии и методологии науки
ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Кузнецов Владимир Юрьевич
Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Маслихин Александр Витальевич
кандидат философских наук, доцент
Соколов Роман Евстратьевич

Ведущая организация: Чебоксарский кооперативный институт
(филиал) автономной некоммерческой организации ВПО Цент-
росоюза РФ «Российский университет кооперации».

Защита состоится «24» декабря 2008г. в 16 ч. на
заседании диссертационного совета Д 212.301.04 в ФГОУ ВПО
«Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
по адресу: г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 а, корп. 3,
зал ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале на-
учной библиотеки ФГОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова».

Автореферат разослан «21» ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439011

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

Степанов А.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

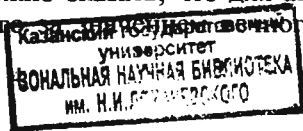
Актуальность темы исследования связана с важностью того этапа, который переживают сегодня науки о языке, которые постепенно переходят от рассмотрения языка как замкнутой системы, обладающей автономным статусом в предметном пространстве гуманитарных наук, к сотрудничеству с другими науками (прежде всего социологией, логикой, психологией и психоанализом) в целях решения встающих перед ними задач. Весь XX в. язык являлся центральным объектом исследования философии, а методы структуральной лингвистики, разработанные Фердинандом де Соссюром, легли в основу подавляющего большинства гуманитарных исследований. Именно с возникновением новых концепций языка в этот период связан революционный прорыв в сфере гуманитарного знания. Речь идёт о таких достижениях в этой сфере, как структуральная антропология К. Леви-Строса, глубокий и колоссальный по охваченному материалу проект археологии знания Мишеля Фуко, генеративная грамматика Ноама Хомского, грамматология Жака Деррида, трансцендентальный эмпиризм Жюль Делёза, философская герменевтика Ганса Гадамера и Поля Рикёра, теории речевых актов Джона Остина и Джона Сёрла и т.д. Во всех этих концепциях так или иначе затрагивается проблема отношения между языком и мышлением. Однако данная проблема важна не только с точки зрения задач фундаментальной философии. Её рассмотрение имеет большое значение для развития информатики, теории и практики создания искусственных языков, возрастной психологии, антропологии и психоанализа.

Современное общество, которое справедливо именуют *информационным*, как никакое другое, зависит от функционирования языка, который является важнейшим средством передачи информации. Проблема соотношения языка и мышления, таким образом, становится актуальной в силу её связи с проблемой коммуникации, которая на сегодняшний день является одной из важнейших социальных проблем. Сегодняшний мир, благодаря новым средствам коммуникации, стал более плотным, расстояния между людьми сократились, однако это не стёрло различия между ними, в том числе, различия языковые (которые опреде-

ляют культурную специфику каждого народа). Представление о единстве человеческого мышления, основанное на единстве самого вида *homo sapiens*, нередко натывается на противостоящие ему факты, доказывающие, что языковые различия подчас делают крайне затруднительным диалог между разными народами. Вместе с тем подобные трудности заставляют нас расширить наши представления о природе языка и обратиться к новым способам выделения языковых универсалий, необходимых для сохранения лингвистики как научной дисциплины. Обращение к проблеме отношения языка и мышления имеет очень важный экзистенциальный смысл. Благодаря тому, что человек является существом говорящим и его сознание нуждается в языковой форме как способе структурирования мыслительной деятельности, язык оказывается включённым в сферу человеческой жизни, определяя характер и образ последней. Человеческая жизнь во многом оказывается детерминированной тем языком, с помощью которого она осознаётся и рефлексивируется.

Как бы то ни было, каждый отдельный язык выступает в качестве особого *истолкования* реальности, а значит, несёт в себе собственный образ истины. Поэтому выявление корреляции между языком и мышлением в значительной степени способствует освобождению человека от мыслительных штампов и позволяет избавиться от тех предрассудков, которые он усвоил вместе с родным языком.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема единства речевой и мыслительной деятельности имеет давнюю историю. Её истоки следует искать в философии Гераклита, которая, в свою очередь, сама опиралась на богатую мифологическую традицию Древней Греции, в то же время существенно трансформируя её внутренний смысл (в том, что касается рассматриваемой здесь проблемы). Гераклит впервые ввёл в философский дискурс термин «логос», который указывал на то, что внутренний порядок, присущий Космосу, непосредственно коррелирует с порядком дискурса. После Гераклита проблема соотношения языка и мышления артикулировалась в текстах Платона, Аристотеля, стоиков. Все они по-разному решали данную проблему, однако, в целом, можно сказать, что для античности был характерен поиск стоящего

менного эйдоса, который выражал онтологическую структуру мира. Язык осознавался в его неотрывной связи с процессом познания, а не как самостоятельная и автономная сущность, возникающая в результате интеллектуального освоения практического взаимодействия с реальностью. Однако уже в античности зарождается и другой взгляд на язык, связывающий его происхождение не с Космосом, а с самим человеком, поскольку важнейшей функцией языка здесь объявляется не познавательная функция, а функция выражения. Язык, в этом смысле, связан не столько с разумом, сколько с аффектом, эмоцией. Языковой знак происходит из *жеста*, он направлен на выражение воли, внутреннего ощущения удовольствия или страдания. В этом смысле язык не только конвенционален, но и естественен для человеческого существа. Такого взгляда на сущность речевой деятельности придерживался, в частности, Эпикур. Близкую позицию занимал по этому вопросу и Джамбаттиста Вико, который утверждал, что первыми словами были междометия или однокорневые звукоподражания. Язык, таким образом, возник из средств непосредственного выражения эмоционального состояния и, следовательно, когнитивная его функция вторична. О необходимости создания универсального языка, выражающего порядок человеческого мышления (который должен быть единым), говорили, в частности, Декарт и Лейбниц. Последний даже пытался разработать универсальный «алфавит мыслей», с помощью которого можно было познать реальность (поскольку порядок идей соответствует порядку вещей). С этим взглядом, разумеется, боролись представители эмпиризма. Для некоторых из них (Беркли) язык вообще не выполняет никакой когнитивной функции, а наоборот, искажает реальность, создавая иллюзорный мир понятийных абстракций. В то же время Гоббс, напротив, рассматривает дискурс как единственное место пребывания истины; только языковое высказывание может быть истинным или ложным, сам по себе чувственный опыт не обладает такими характеристиками. Для написания данной диссертации особенно большое значение имели идеи, высказанные философами и лингвистами XIX-XX вв. Ограничимся только кратким перечислением этих концепций. Речь идёт о понимании отношения слова и понятия в философии Гегеля, концепциях речевой деятельности В. Гум-

больдта, Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста, учение о «компетенции» и «исполнении» Н. Хомского;

Определяющие методологические подходы по исследованию речевой и мыслительной деятельности были заимствованы нами из исследования Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж. Деррида.

Категория выражения смысла стала основной в трудах неопозитивистов: Л. Витгенштейна, Б. Рассела и др. Смысл и язык как форма выражения самосознания рассматривалась в работах классиков отечественной философии: Г.Г. Шпетта, М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана

Смысловые и речевые комплексы как факторы организации социальной культуры получили отражение в работах Е.М. Ермакова, Р.Е. Соколова, С.С. Гусева, Б.А. Грушина.

Социокультурные реалии современной цивилизации характеризуются динамичной трансформацией исследовательских парадигм, что обусловило наше обращение к трудам В.Ю. Кузнецова, А.В. Маслихина, Э.З. Феизова.

Вместе с тем необходимо отметить, что существующая на сегодняшний день научная база научно-исследовательских работ по рассмотрению нашей проблемы свидетельствует о недостаточной разработанности философского аспекта исследования проблемы «Единства речевой и мыслительной деятельности», что и послужило основанием для выбора данной темы.

Объект исследования – речевая деятельность.

Предмет – философские аспекты связи языка и мышления в рамках речевой деятельности.

Цель исследования – выявить основные принципы корреляции речевой и мыслительной деятельности.

Задачи исследования:

1. Показать многоуровневый характер отношений между означаемым и означающим языкового знака;
2. Эксплицировать диалектическую взаимозависимость между грамматической и логической составляющей дискурса;
3. Дифференцировать априорные и эмпирические элементы речевой деятельности.

Методология исследования. При рассмотрении различных аспектов проблемы единства речевой и мыслительной деятельности автор данной работы опирался, главным образом, на

структуральный, компаративистский, феноменологический и деконструктивистский методы. Первый оказывается задействованным при обращении к работам де Соссюра, Бенвениста, Ажежа, Хомского и др. исследователей, второй – при обращении к наследию исторической лингвистики, третий – произведениям Мерло-Понти, четвёртый – М. Фуко. Синтез всех этих методов осуществлён путём применения метода философской рефлексии, которая позволила также проделать необходимый (в рамках данного исследования) анализ всех вышеперечисленных концепций.

Научная новизна:

1. Показан многоуровневый характер отношений между означаемым и означающим языкового знака. Это отношение выстраивается сразу в нескольких плоскостях: 1) между знаком и обозначаемым им объектом (деривативное отношение); 2) между знаком и его понятийным значением (сигнификативное отношение); 3) между знаком и выражаемой им эмоцией (отношение манифестации). В первых двух случаях отношение между означающим и означаемым оказываются произвольными, поскольку обусловлены конвенциональной природой языкового знака. В третьем случае, однако, между означающим и означаемым имеет место отношение мотивации, что обусловлено тем, что в игру вступают такие субъективные факторы речевой деятельности, как интонация, громкость и тембр голоса, темп речи и т.д. Следует также подчеркнуть важность *ситуативной* мотивированности смысла знака, поскольку именно она имеет первоочередное значение для становления языка как социального феномена. Поэтому в той мере, в какой *означаемое* (а следовательно, и второе, сигнификативное отношение) обусловлено этим первоначальным (ситуативным) смыслом формирующегося языка, оно также оказывается мотивированным, но в смысле опосредованной, а не прямой, зависимости от означающего, поскольку возникает одновременно с означающим.

2. Эксплицирована диалектическая взаимозависимость между грамматической и логической составляющей дискурса. Показано, что имплицитная грамматика конкретного языка оказывает существенное влияние не процесс мышления на этом языке, а экспликация самой этой грамматики предполагает логическую

рационализацию языковой системы. В языке, однако, всегда присутствует элемент, не поддающийся такой рационализации, именно этот элемент предоставляет возможность появления поэтического языка, использующего различные тропы (в том числе метафору и метонимию) для расширения смыслового поля данного языка и его когнитивного потенциала.

3. Произведена дифференциация априорных и эмпирических элементов речевой деятельности. Показано, что такие разделы языка, как фонология, морфология и синтаксис возникают непосредственно благодаря имеющимся у человека врождённым способностям к языковому мышлению (важную роль при этом имеет процесс «забывания», описанный представителями генеративной грамматики), тогда как лексика языка имеет преимущественно эмпирическое происхождение.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отношение между означающим и означаемым языкового знака носят многоуровневый и комплексный характер. Именно в силу этого можно говорить об имеющемся здесь отношении взаимной мотивированности означаемого (которое должно пониматься в более широком смысле, чем это имеет место у Соссюра и Бенвениста) и означающего. Эта мотивированность, однако, проявляется в основном только на уровне речи, но не языка (если понимать под последним замкнутую в себе и не зависящую от субъекта, носителя языка, систему);

2. Логическое и грамматическое измерения речевой деятельности находятся в строгой взаимной корреляции, поэтому невозможно говорить о первичности одного из этих компонентов в процессе конституирования какого-либо языка или дискурса;

3. Человек обладает априорной матрицей обнаружения смысла и значения языковых высказываний, которая актуализируется по мере усвоения им родного языка, предполагающего контакт с собеседником. В определённом смысле процесс усвоения родного языка обусловлен доязыковым опытом, который позволяет наделять языковые структуры перцептивным содержанием, необходимым для их интуитивного усвоения. Процесс понимания чужой речи, таким образом, предполагает, с одной стороны, владение языковым кодом (*компетенцию*), а с другой –

умение связывать сообщение с конкретной ситуацией, которая сама по себе выступает как вторичный дешифратор этого сообщения.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена важностью вопроса о соотношении речевой и мыслительной деятельности для современного гуманитарного знания и социальной практики. В диссертационном исследовании выявлены основные механизмы и факторы корреляции речевой и мыслительной деятельности, показана имманентная связь между мыслью и словом, рассмотрены проблемы мотивированности языкового знака, врождённого характера языковой способности, специфики онтологии языка, иерархических отношений между различными его функциями, между грамматической и логической сторонами дискурса и др. Теоретическая значимость работы, таким образом, определяется важностью проблематики языка для современной философии. Эта проблематика охватывает собой как вопросы, связанные с выработкой новой методологии, которая должна позволить синтезировать чисто лингвистический подход к языку с достижениями других наук в этой области (прежде всего социологии, психологии и физиологии), так и разработку целостной философской онтологии языка, которая бы смогла совместить метафизические принципы с междисциплинарными изысканиями. Практическая значимость работы связана с использованием результатов проделанного в ней анализа при разработке курсов, включающих в себя вопросы современной лингвистики и теории языка.

Апробация диссертации. Основные результаты исследования излагались и обсуждались на совместном заседании кафедры философии и методологии науки и кафедры комплексных исследований по философии Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова, на методологических семинарах аспирантов и докторантов.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых включает в себя по три параграфа, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определены степень научной разработанности проблемы, цель и задачи работы, объект, предмет, методология исследования, его научная новизна, изложены положения, выносимые на защиту, установлена теоретическая и практическая значимость работы, даны сведения об апробации диссертации и публикациях автора, объёме и структуре работы.

Первая глава «Взаимная корреляция языка и мышления» посвящена выявлению тех аспектов отношения между речевой и мыслительной способностями, которые свидетельствуют об их единстве. Автор показывает здесь, что способность говорить, отличающая человека от животных, невозможна без способности мыслить (1.1.). В то же время показывает, что своё подлинное бытие мысль обретает в слове и благодаря слову (1.2.). Анализирует отношения между вербальным знаком и коррелирующей с ним реальностью (1.3.).

Первый параграф «Мышление как условие речевой деятельности» содержит в себе экспликацию когнитивной (репрезентативной) функции вербального языка, а также исторический обзор философских подходов к языку, затрагивающих эту его функцию. Автор исходит из принципиальной значимости языковой способности для конституирования человеческого бытия. Именно умение оперировать знаками, составлять с помощью них новые сообщения, посредством которых субъект выражает свои желания, мысли, эмоции и чувства, ставит человека на более высокую ступень иерархии живых существ. Благодаря языковой способности находит своё внешнее выражение духовное измерение человеческого бытия, включающее в себя не только внутренний мир отдельного индивида, но и социальное измерение, существование которого совершенно невозможно без коммуникативных актов.

Далее автор подчёркивает связь коммуникативной и репрезентативной функций языка. В качестве знаковой системы всякий язык призван репрезентировать какую-то реальность, которая фигурирует, в современных лингвистических теориях, как слой *означаемых*, составляющих что-то вроде оборотной сторо-

ны слоя означающих, под которым понимается материальный (вещественный) элемент, присущий любому знаку. На первый взгляд, язык как знаковая система представляет прежде всего окружающий нас мир, предметную реальность, с которой мы сталкиваемся в своей повседневной жизни. Однако при более пристальном рассмотрении мы должны будем признать, что эта реальность манифестируется в языке не непосредственно, а опосредованно. Непосредственно язык выражает не сам внешний или внутренний мир, а наше мышление об этом мире. Связь человеческого языка и мышления непосредственно проявляется в когнитивном характере его использования. Язык как продукт человеческой деятельности неразрывно связан с попыткой внести качество интеллигибельности в окружающую его реальность, осознать и познать её, именно посредством слова в мир входит смысл и значение, но это также означает, что реальность из случайного сцепления разнообразных обстоятельств превращается в нечто закономерное и законосообразное. На эту тройственную связь между мышлением, языком и космическим законом указывает древнегреческий термин «логос», впервые введённый в философский оборот Гераклитом. Гениальная интуиция греков, объединившая логику (мышление), речь (или рассуждение, дискурс) и космический порядок в одном слове, в лице «тёмного философа», учредила саму проблему соотношения бытия и языка (в метафизическом плане).

Методологическое разделение Соссюром языка и речи позволяет, однако, осознать то различие, которое имеется между языком как средством репрезентации мышления и речью как конкретным воплощением этой репрезентации. Внутренняя речь, без которой невозможно представить повседневное человеческое существование, складывается из обрывочных, дискретных и незавершённых предложений, позволяющих ухватить суть той или иной мысли, уловить постоянно возникающий и вновь исчезающий смысл. В этом потоке сознания мысль, по выражению Гегеля, находится ещё в состоянии брожения, она не имеет фиксированного бытия, но такое состояние, очевидно, и является естественным для живой мысли, которая существует не в качестве чистого логоса, а как что-то эмоционально переживаемое и неразрывно связанное с непосредственным человеческим опы-

том. В этом состоянии логическое, таким образом, ещё не очищено от эмоционального и образного и представляет собой некую синкретическую массу, в которой пребывает человеческое сознание. Этот нерасчленённый конгломерат различных феноменологических слоёв и составляет первичный субстрат опыта, из которого рефлексия (при посредстве языка) может вычленять различные уровни и модусы. Язык выполняет при этом двойную роль: во-первых, он структурирует разрозненные образы и присваивает им некоторые фиксированные значения или, во всяком случае, устанавливает отношения с этими последними; во-вторых, он вносит в поток сознания вневременную составляющую, позволяющую сознанию фиксировать постоянно ускользающий от него самый смысл. Благодаря языку, мысль сообщается сама с собой и получает возможность обрести целенаправленный, а не анархический и спонтанный характер. Мысль, таким образом, не рождается в недрах языка, но, благодаря языку, она встаёт на путь строго логического течения, что позволяет ей быть, с одной стороны, критически переосмысленной, а с другой – переданной от одного «салиенса» к другому.

Второй параграф «Слово как символическое облачение мысли» содержит в себе анализ роли языка в становлении «чистой стихии мышления» (Гегель), обретающей свою собственную онтологию, независимую от чувственного, эмоционального, аффективного элементов жизни сознания. Следуя мысли Гегеля, автор подчёркивает, что именно слово придаёт мысли её истину и высоту, поскольку позволяет выделиться квинтэссенции мысли, очистив понятие от различных психологических наслоений (эмоций, переживаний, аффектов и т.д.). Языковая способность придаёт мысли одновременно её индивидуальность и объективность, ибо фактически очевидно, что невыраженная в слове мысль является смутной и что именно слово позволяет проникнуть в суть вещей.

Автор подчёркивает, что языковая способность не искажает первоначальные идеи, существующие на уровне чистой интуиции, а развивает и преодолевает их, осуществляя восхождение к высшему знанию. Именно по этой причине можно сказать, что отказ от вербального мышления не ведёт к истине, а напротив, отдаляет от неё. Язык, в этом смысле, – это не какой-то недоста-

ток, который следует преодолеть путём интуитивного проникновения в реальность, а, как раз, наоборот, средство, с помощью которого мы в эту реальность проникаем и постигаем её законы. Необходимо, однако, иметь в виду, что язык не только инструмент познания реальности, но и её творец, поскольку он неизбежно вносит в неё определённую структуру, которая не обязательно присуща самой этой реальности. Поэтому всегда следует помнить о том, что существует не один, а множество языков и, следовательно, множество структур реальности. Кроме того, неизбежность реальности, мыслимой на каком-то определённом языке, зиждется на конвенциональном характере самого языка. Появление конкретного языка вызвано рядом случайных факторов (особенностями быта, занятий, географическим положением, царящими нравами и т.д.), которые каким-то образом отражаются в языковой форме, вместе с тем находя в ней своё идеологическое подтверждение. Язык, в этом своём применении, оказывается непосредственно связанным с доксой, с миром обыденной реальности, а также с идеологией – со всем тем, что у большинства философов принято интерпретировать как *ложное сознание*. Конвенциональный характер языка делает его мощным средством закрепления и навязывания определённых мыслительных шаблонов и стереотипов, с которыми традиционно боролась философия. Таким образом, язык не ведёт к Истине, а напротив, утаивает её от нас. Однако свободное мышление нуждается скорее не в полном отказе от языка (что, по-видимому, непродуктивно, ибо результаты такого мышления нельзя будет передать другим), а в *смене языка* и рефлексии над своим языком как чужим. Так или иначе, но это доказывает справедливость точки зрения, сравнивающей язык с «зеркалом психосоциального воображаемого».

Третий параграф «Проблема мотивированности языковых знаков» содержит в себе анализ проблемы отношений между означающим и означаемым как двумя сторонами любого вербального знака. Автор расширяет понятие отношения означающее-означаемое, включив в него не только отношение сигнификации, но и отношения манифестации и денотации. О немотивированности (произвольности) знака впервые заявил де Соссюр, и это положение стало одним из фундаментальных в

его концепции языка, которая впоследствии легла в основу всей структуральной лингвистики. Бенвенист указывает на то, что Соссюр, по существу, не смог (или не успел) до конца продумать свою идею и что его рассуждение логически далеко не безупречно. Соссюр фактически подменяет произвольность знака в отношении внешней ему реальности (референта) произвольностью означающего по отношению к своему означаемому (понятию). В действительности, означаемое возникает вместе с означающим и, следовательно, не может быть немотивированным последним. Положение о немотивированности знака (понимаемое как отсутствие обуславливающей связи между означающим и означаемым) противоречит самой концепции знака, разработанной де Соссюром. Дело в том, что последний вполне отдавал отчёт в том, что под означаемым нужно понимать не эмпирический предмет, на который указывает данное слово, а именно *понятие*, обозначаемое данным словом. Однако при этом швейцарский лингвист в качестве аргумента в пользу немотивированности знака приводит довод, согласно которому знак не имеет с означающим *никакой естественной связи*. Иными словами, Соссюр выносит отношение между означающим и означаемым за пределы внутриязыковых отношений, тем самым искажая их смысл.

Таким образом, отсутствие мотивации между словами и вещами не исключает мотивации между знаком и тем, что он выражает. Это обусловлено тем, что вербальный знак по своей природе есть не что иное, как особого рода жест, который производится с помощью ротовых органов. Проделанный в данном параграфе анализ показал, что проблема мотивации языкового знака может решаться в трёх плоскостях: 1) мотивация между знаком и обозначаемым им объектом (деривативное отношение); 2) мотивация между знаком и его понятийным значением (сигнификативное отношение); 3) мотивация между знаком и выражаемой им эмоцией (отношение манифестации). В строгом смысле слова, о мотивации можно говорить только в последнем случае, так как два первых случая следует рассматривать в контексте теории конвенционального происхождения языка.

Вторая глава «Язык и мышление как автономные области» посвящена выявлению тех аспектов языка и мышления,

которые свидетельствуют о том, что, несмотря на своё единство, речевая и мыслительная деятельность все же обладают определённой автономией по отношению друг к другу. В этой главе автор показывает, как происходит зарождение предметного поля лингвистики, в котором язык становится самостоятельным объектом исследования, определяемым его имманентными свойствами, а не репрезентативной функцией и проблематикой *универсального разума* (2.1.). Прослеживает взаимосвязь между грамматической и логической компонентой языка (2.2.). Дифференцирует априорные и апостериорные элементы языковой системы.

Первый параграф «Рождение языка как самостоятельного предмета познания: лингвистика как наука» эксплицирует процесс возникновения лингвистики как особой науки, направленной на изучение языка и речевой деятельности. Автор обращает внимание на то, что зарождение лингвистики, произошедшее в XIX в., было связано с революционным переворотом в сфере научного знания в этот период: на смену эпистемы начала Нового времени приходит новое понимание научного знания, имеющее в своей основе три фундаментальных предмета изучения: жизнь, труд и язык. Несмотря на то, что язык сделался объектом философского вопрошания уже у древних греков, в отдельный и автономный объект исследования он выделился лишь в XIX веке. До этого язык интересовал философию лишь в контексте проблем познания, теперь он сделался интересен сам по себе. Проделанный анализ выявил основные этапы, которые прошло представление о природе языка в европейской мысли с XVI по XX вв. На первом из этих этапов язык ещё не выделяется в отдельный объект изучения и рассматривается как вещь наряду с другими вещами, поскольку последние сами воспринимаются как объекты, идеально пригодные для интерпретации. Интерпретативный подход к миру является в это время господствующим и природа понимается, по существу, как огромная книга или текст, предназначенный для «чтения» человеком. Ключевыми отношениями в этот период являются аналогия и сходство, посредством которых различные вещи отсылают друг к другу, образуя многоступенчатую систему, в которую вписаны и слова, выступающие в качестве особых предметов, но не про-

тивопоставляемые другим вещам в качестве их отражения. Всю эту систему вещей-знаков ограничивает принцип *подобия Космоса и микрокосмоса*, благодаря которому бытие обретает свою форму и смысл, делающий его пригодным для истолкования, которое было главным методом науки того времени. На следующем этапе происходит поиск универсального языка, способного стать языком самого бытия, речь идёт о так называемом *mathesis universalis*, способном охватить всю реальность и осуществить её строгую таксономизацию. На обоих этих этапах язык не отделён от мышления и когнитивного отношения к реальности, поэтому речь здесь идёт всегда о *языке*, а не о *языках*. Поэтому, если и проводятся какие-то попытки осуществить типологизацию различных языков, они тоже исходят исключительно из репрезентативных (а не грамматических) особенностей последних. Только в XIX происходит зарождение собственно лингвистического (в современном понимании) подхода к языку, когда язык начинает восприниматься как автономная и отделённая от других вещей система однородных знаков, имеющих преимущественно конвенциональное происхождение.

Переворот в сфере знания, произошедший в XIX в., прежде всего сместил проблематику в области языкознания: если до этого речь шла об изучении языка, то теперь встал вопрос об изучении *языков*. На смену универсальной грамматики пришла *сравнительная грамматика*, основная задача которой заключалась в сравнении грамматического строя различных языков и соответствующей их типологизации. Конечно, о существовании различных языков было известно всегда, и их типологизация велась и до этого периода, однако в рамках господствующей тогда парадигмы исследования языка она не могла проводиться тем способом, который кажется нам сегодня привычным и естественным. В классическую эпоху в основу типологизации языков были положены не имманентные характеристики последних, а тот способ, каким эти языки дифференцировали наши представления о реальности. Сущность языка, таким образом, виделась не в его формальном своеобразии, а в его связи с репрезентацией мира.

Однако дальнейшее развитие исторической лингвистики привело к ряду трудностей и поставило ряд вопросов, на кото-

рые не давали ответ прежние теории. В частности, возник вопрос о том, каким образом, пребывая в постоянном изменении, тот или иной язык всё же остаётся самим собой, не смешиваясь с другими языками. Метафизический ответ, который давала на этот вопрос историческая лингвистика, связывавшая единство определённого языка с духом народа, был явно неудовлетворительным. Поэтому необходимо было изменить привычный взгляд на природу языка, окончательно завершив тот революционный прорыв, который имел место в XIX в. Именно в этом заключался основной вклад концепции Фердинанда де Соссюра, которая стала последним звеном для становления лингвистики как самостоятельной научной дисциплины. Осуществив жёсткое противопоставление языка (*la langue*) и речи (*la parole*), Соссюр подготовил почву для структурального изучения языковой реальности, разработанный им метод бинарных оппозиций стал основным методом лингвистического анализа языка. Структуральный метод предполагает прежде всего рассмотрение языка «в самом себе и для себя», исходя из принципа, согласно которому язык должен образовывать определённую *систему*. Таким образом, развившееся в рамках новой эпистемы (XIX в.) языкознание полагает основным предметом своего исследования не дискурс, а язык, т.е. объект, реконструируемый с помощью различных процедур и позволяющий объяснить различные факты речи, подобно тому, как физические факты объясняются законами физики. Несмотря на продуктивность такого подхода, он приводит и к ряду проблем, которые решаются современной лингвистикой. Одной из главных является здесь задача преодоления разрыва между языком и речью, которая существует в лингвистике со времён де Соссюра.

Второй параграф «Логический и грамматический аспекты языкового мышления» содержит экспликацию диалектической связи, существующей между грамматическими элементами языка и теми логическими формами, которые конституируются с помощью этих элементов. Прежде всего автор обращает внимание на то, что грамматический строй языка не находится в строгом соответствии с принципом логического обоснования. В языке имеются не только правила, но и исключения из них, что говорит о необходимом элементе случайности, присущем любому

естественному языку. Несмотря на это, возникновение самой логики становится возможным именно благодаря вербальному оформлению мысли. Однако строгие законы логики не выражают эмпирического становления мысли, они лишь служат для того, чтобы легитимизировать уже ставшую мысль. Но язык играет важную роль и на интуитивном этапе бытия мысли.

Преимущество естественных языков над искусственными как раз и состоит в алогическом и даже антилогическом характере первых. Естественный язык не просто выходит за пределы формальной логики, когда сближает, благодаря своей материальной форме, совершенно на первый взгляд не связанные между собой предметы, но и творит смысл, которого нет в самой внеязыковой реальности. Естественный язык, таким образом, парадоксален по своей природе: он позволяет нам познавать окружающий мир именно благодаря тому, что отдаляет нас от этого мира и перестраивает его по своей, совершенно произвольной и анархической логике. Логика генезиса естественного языка, отражающаяся на природе последнего, – это логика бросаемых костей, когда результат в виде неповторимого языка с особенными внутренними взаимосвязями между его элементами определяется не законом, а случайностью. Каждый язык по-своему дифференцирует реальность, хотя возможность перевода с одного языка на другой доказывает, что между этими мирами-монадами всё же существует возможность коммуникации.

Логическое, таким образом, есть не отражение каких-то «объективных закономерностей», а продукт человеческого ума, завершающего и приспособляющего для себя мир, вводя в него *строгие законы*. Следовательно, именно субъективная потребность заставляет человека изобретать логику, а заодно и язык, чтобы сделать реальность более удобной и более привлекательной для его существования, а также для того, чтобы поверить в закономерность самого этого существования. Однако, очевидно, таких *логик* может быть не одна, а множество. В самом деле, аристотелевская логика, которая считается универсальным органом научного знания, в действительности, была именно изобретена, а не открыта древнегреческим философом. Об этом свидетельствует, во-первых, существование неаристотелевской логики (например, изобретённой стоиками логики

пропозиций, отличной от логики терминов, классов и предикатов, каковой является логика Аристотеля), а во-вторых, непосредственная связь, которая существует между категориальной структурой, конституированной в рамках аристотелевского дискурса, и грамматикой древнегреческого языка. Безусловно, Бенвенист прав, когда утверждает, что Аристотель, создавая своё учение о категориях, ориентировался на особенности своего родного языка, но весь вопрос в том, стремился ли он при этом создать универсальную логику, очищенную от влияния естественного языка (как, очевидно, полагает Бенвенист) или же он хотел создать теорию, предметом которой является именно логос, т.е. *дискурс*. Иначе говоря, Аристотель мог руководствоваться идеей, близкой к идее Хайдеггера, согласно которой язык есть дом бытия (и логики), а не нечто ей внеположное. Тогда его проект универсальной системы категорий можно рассматривать одновременно и как проект универсальной грамматики, которая, естественно, предполагала ориентацию на те мыслеформы, которые он мог извлечь именно из родного языка.

Проделанный в данном параграфе анализ показывает, что внутренняя форма слова во многом определяет ту логику, которой следует дискурс на том или ином языке. Многие философские и художественные прозрения детерминированы именно этой формой, иррациональной и случайной по своей природе, но несущей в себе богатый материал для интеллектуального творчества. Что касается вопроса о первичности логического или грамматического, то, очевидно, он не имеет окончательного решения в том смысле, что всякая логика детерминирована имплицитной грамматикой, и наоборот. Можно, однако, сказать, что и то, и другое возникает из «субъективной необходимости» (Ницше), поскольку с помощью языка человек рационализирует мир, наделяя его смыслом, а с помощью грамматики рационализирует сам язык.

Третий параграф «Эмпирическое и априорное в речевой деятельности» содержит анализ тех аспектов проблемы единства речевой и мыслительной деятельности, которые вновь сделались актуальными для философии после реализации проекта генеративной грамматики. Если в предыдущем параграфе автор предпринимает попытку осуществить заход к проблеме проис-

хождения логических принципов, исходя из имплицитной грамматики языка, то здесь осуществляется противоположное движение, делающее своей отправной точкой априорные структуры сознания (выявляемые в рамках дискурсов различных наук), а затем уже переходящее к конкретной языковой форме.

Если бы у человека не было врождённой способности к языку, то он никогда бы не смог ему научиться. Этот очевидный, на первый взгляд, тезис требует, однако, глубокой экспликации, поскольку сам он ничего не сообщает о природе этой языковой способности, которая имеет место своей «дислокации» в различных сферах: неврологии, психологии и социологии. Причём взаимодействие между этими сферами, очевидно, должно быть настолько плотным, что практически невозможно определить, какая из них является ведущей. Современные исследователи находят всё больше свидетельств того, что языковое мышление имеет биологическую основу, которая может изучаться с помощью естественнонаучных методов. К этому механизму восприятия добавляется механизм памяти. Речь идёт о запоминании не только самих этих значений, но и структуры предложения, равно как и моторики артикуляционных движений, совершаемых в процессе говорения, а также перцептивных образов, возникающих в ходе восприятия чужой речи. На физиологическом уровне процесс усвоения языка предполагает образование в мозгу особых мнемонических отложений, или энграмм, располагающихся вдоль соцветия нейронов, или метаконтуров. Именно благодаря таким образованиям происходит усвоение структур и элементов того или иного языка. Отсюда, возможно, следует истинность гипотезы Ноама Хомского, полагающего, что существуют врождённые структуры речевой способности, выявляемые в рамках процедур генеративной грамматики и, в свою очередь, составляющие универсальную грамматику, которая должна быть априорной по отношению к любой конкретной грамматике. Хотя окончательные выводы в этом вопросе делать всё же ещё рано, поскольку овладение грамматическими структурами может происходить и в результате наложения допонятийного, перцептивного знания, приобретаемого ребёнком в ходе сенсорно-моторной фазы развития интеллекта, на те знания, которые приносятся ему в ходе обучения языку.

Создание генеративной грамматики было нацелено на решение той проблемы, которую не смог разрешить де Соссюр: подчинить структурным закономерностям не только язык, но и речь. Показав врожденный характер способности, формирующей синтаксис отдельных языков, Хомский осуществил настоящий переворот в области лингвистики. В своей ранней версии генеративная грамматика стремилась выявить 1) базовый компонент синтаксических структур (определённый свод правил, необходимых для создания элементарных языковых высказываний); 2) трансформации – правила, позволяющие на основании этих структур создавать новые. Изучение базовых компонентов синтаксических структур показало, что интуитивное языковое знание, которым руководствует каждый человек в ходе своей речевой практики, представляет собой крайне сложную и богатую систему. В первые десятилетия после своего появления (50-60-е гг. XX в.) порождающая грамматика функционировала в качестве метатеории для конкретных грамматик, поскольку исследовала в основном инвариантные принципы, соблюдающиеся во всех известных и изученных лингвистами языках. По мере своего дальнейшего развития (начиная с 70-х гг.), однако, генеративная грамматика стала постепенно входить в исследовательское поле конкретных грамматик. Этому в большой степени способствовало открытие так называемых параметрических моделей, которые выявляют *вариативность* функционирования всеобщих языковых принципов, выявляемых универсальной грамматикой, в различных языках. Примером такой параметрической модели может служить извлечение относительного местоимения из косвенного вопроса. Одни языки оказываются в этом плане более «свободными», чем другие. Исходя из типологии таких манифестаций, можно выстраивать типологии языков, которые, таким образом, предполагают выделение всеобщего принципа (универсалии), на фоне которой устанавливаются различия, характерные для конкретных языков. Важно при этом, что сами эти различия оказываются вариантами реализации потенциала, заложенного в универсалии. Иными словами, грамматика каждого конкретного языка будет в отношении языковых универсалий тем же, чем значение дифференциальной функции является по отношению к самой этой функции. Отсюда апелляция к методам фрактальной

геометрии при описании свойств отдельных языков. Методы генеративной грамматики, таким образом, позволяют существенно математизировать предметную область языкознания, находя в многообразии правил проявление чётких структур и механизмов человеческого разума, а также понять сам этот разум, исходя из анализа языка.

Однако, несмотря на существенный вклад Хомского и его школы в развитие современных наук о языке, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что в его концепции практически невыявленным остался социальный аспект функционирования языка. Как показывает анализ, проведённый в данном параграфе, процесс языкового освоения реальности у человека в действительности происходит дедуктивным, а не индуктивным способом. Человек обладает априорной матрицей обнаружения смысла и значения языковых высказываний, которая актуализируется по мере усвоения им родного языка, предполагающего контакт с собеседником. В определённом смысле процесс усвоения родного языка обусловлен доязыковым опытом, который позволяет наделять языковые структуры перцептивным содержанием, необходимым для их интуитивного усвоения. Процесс понимания чужой речи, таким образом, предполагает, с одной стороны, владение языковым кодом (*компетенцию*), а с другой – умение связывать сообщение с конкретной ситуацией, которая сама по себе выступает как вторичный дешифратор этого сообщения.

В заключении обобщаются основные результаты исследования, показываются перспективы изучения проблемы.

Содержание работы отражено в следующих публикациях автора:

*Публикация в издании, рекомендованном
ВАК Минобразования и науки РФ:*

1. Филатов, Н. А. Эмпирические и априорные факторы в речевой деятельности / Н. А. Филатов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2008. – №4. – С.171-176.

Публикации в других изданиях:

2. Филатов, Н. А. Проблема мотивированности языковых знаков / Н. А. Филатов // Вестник Елецкого университета. Гуманитарные науки. – 2008. – №4. – С. 104-108.

3. Филатов, Н. А. Проблема искусственных языков / Н. А. Филатов // Вестник Чувашского ЦСМ. – 2008. – С. 55-57.

Формат 60х84/16. Печать оперативная.

Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ № **682**.

Чувашский государственный университет

Типография университета

428015 Чебоксары, Московский просп., 15

